

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

№ 14.

15-го Іюля

1873 года.

Содержаніе.— Воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа. — Отличительный характеръ евангелія Іоанна. — Извѣстіе.

ВОСКРЕСЕНІЕ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

(Продолженіе).

Свидѣтелями воскресенія, съ одной стороны, были апостолы и послѣдователи І. Христа, громко возвѣстившіе, что видѣли Его живымъ. Ихъ свидѣтельство можетъ быть уничтожено только двумя способами: предположеніемъ, что они или сами были обмануты, или условились обмануть другихъ. Для того, чтобъ разсѣять всякое недоразумѣніе относительно этого дѣла намъ должны быть представлены ясныя доказательства, что люди, имѣвшіе къ нему отношеніе не могли быть вовлечены въ обманъ и не имѣли намѣренія обмануть другихъ, что оно извѣстно имъ въ точности и они обстоятельно передаютъ его. Невѣрующіе должны непременно держаться одно изъ двухъ предположеній: или смотрѣть на свидѣтелей воскресенія какъ на людей обманутыхъ, или какъ на людей,

желавшихъ обмануть другихъ, потому что истинная и ложная вѣра свидѣтелей двѣ вещи совершенно различныя: если они были обмануты, то не желали обмануть другихъ; если же ихъ намѣреніе было обмануть другихъ, тогда они сами не были обмануты. Имъ необходимо или искренно вѣрить своему свидѣтельству, или вполне понимать свою ложь.

Если невѣрующіе желаютъ остановиться на первомъ изъ этихъ предположеній и доказать, что свидѣтели будучи сами обмануты, чистосердечно рассказывали о томъ, чему вѣрили, они должны во всей подробности разобрать этотъ обманъ, въ который, по ихъ мнѣнію, были вовлечены повѣствователи. Только двѣ причины могли породить его: свидѣтели, доказывавшіе, что видѣли І. Христа воскресшимъ или положительно ничего не видѣли, или видѣли нѣчто подобное Ему. Впрочемъ, трудно рѣшить, которое изъ этихъ двухъ предположеній болѣе безразсудно!

Чтобъ понять всю ихъ нелѣпость, обратимъ вниманіе на то, что какъ скоро предполагаютъ въ апостолахъ чистосердечіе, слѣдовательно ложь ненамѣренную, уже нельзя сомнѣваться въ повѣствованіи относительно ихъ собственной личности, расположенія ихъ духа, различныхъ обстоятельствъ приключавшихся съ ними, какъ такихъ вещей, насчетъ которыхъ они не могли быть обмануты. Невѣрующіе, безъ сомнѣнія, не будутъ оспаривать убѣжденія ихъ въ томъ, о чемъ они думали, что говорили и дѣлали, въ какихъ находились мѣстахъ, потому что обвинить ихъ въ такихъ важныхъ ошибкахъ, въ непрерывномъ сцѣпленіи лжи, можно не иначе какъ предположивъ ихъ совершенно лишенными разсудка. Но, если бы они были изъ числа сумасшедшихъ, за которыми наблюдаетъ полиція, тогда ктонибудь изъ нихъ былъ бы замѣченъ ею, при чемъ ихъ многочисленные и раздраженные враги упрекнули бы ихъ этимъ. Кромѣ того, какъ могли бы они обратить къ истинной вѣрѣ столько людей, будучи сумасшедшими? Ихъ рѣчи и писанія проникнуты самою высокою нравственностію, тогда какъ у помѣшанныхъ была бы замѣтна бессмыслица; ихъ дѣятельность, отличающаяся твердостію и послѣдовательностію, ни одной минуты не противорѣчила себѣ, чего невозможно допустить въ людяхъ лишенныхъ разсудка. При томъ, могли ли они всё, безъ исключенія, имѣть одинъ и тотъ же предметъ помѣшательства? Найдите въ домѣ ума лишенныхъ, по крайней мѣрѣ, двоихъ подверженныхъ помѣшательству одного рода, вы увидите, что ихъ рѣчи, дѣйствія, послѣдовательность, согласіе между собой, даже спокойное ихъ состояніе — положительно уничтожаютъ всякую попытку обвинить апостоловъ въ потери разсудка. Если же доказано, что они при здоровомъ умѣ ис-

крепно вѣрили своему разсказу, тогда не останется никакого препятствія повѣрить ихъ повѣствованію о нещахъ, въ которыхъ они не могли быть обмануты. Теперь рождается вопросъ, точно ли они видѣли І. Христа воскресшимъ, или вовлечены были въ обманъ? Нѣсколько неопровержимыхъ истинъ тотчасъ рѣшаютъ его.

Человѣку очень свойственно принимать по ошибкѣ одинъ предметъ за другой, и думать, что онъ видѣлъ то, чего въ дѣйствительности не было; но, чтобъ значительное количество людей обманулось одинаковымъ образомъ, чтобъ изъ числа ихъ не нашлось человѣка съ лучшимъ зрѣніемъ или болѣе разсудительнаго, который убѣдившись въ общей ошибкѣ не открылъ бы ее другимъ— это невообразимо.

Очень естественно ошибиться въ личности мало извѣстной, видѣнной одинъ разъ, мимоходомъ, издали; но общая ошибка въ личности совершенно извѣстной, видѣнной многократно, очень близко, даже лицомъ къ лицу, съ которою были въ постоянномъ общеніи, — немыслима.

Очень возможно повѣрить одному обманутому человѣку, утверждающему, что онъ видѣлъ то, чего въ дѣйствительности не было; но предположеніе, чтобы многочисленное собраніе людей, обманувшись вдругъ однимъ и тѣмъ же призракомъ, видѣла, слышала, осязала то, чего въ дѣйствительности не видѣла, не слышала, не осязала, это есть весьма опасная нелѣпость, которая должна разрушить между людьми всякую довѣренность основанную, главнымъ образомъ, на миѣніи и свидѣтельствѣ многихъ лицъ.

Представивъ эти истины, вѣрность и очевидность которыхъ не можетъ оспаривать ни одинъ невѣрующій, приведемъ повѣствованіе Евангелистовъ, въ чистосердечіи которыхъ должны теперь увѣриться наши противники.

Евангелисты свидѣлствуютъ, что І. Хр. неразлучно прожившій съ ними три года съ ряду въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ и совершенно извѣстный имъ, являлся не одному ученику, но значительному количеству людей, иногда порознь, иногда вмѣстѣ: Маріи Магдалинѣ, другимъ женамъ, Петру, двумъ ученикамъ, всѣмъ апостоламъ вмѣстѣ, болѣе нежели пяти стамъ вѣрующимъ. Они ссылаются на различныя мѣста, гдѣ происходили эти явленія— въ саду, на дорогѣ въ Эмаусъ, въ горницѣ, на озерѣ Генисаретскомъ, на Галилейской горѣ. Они говорятъ, что Онъ, вирожденіи 40

дней являясь своимъ апостоламъ, благовѣтвовалъ имъ о царствіи Божіи, вѣрилъ имъ служеніе, установленное Имъ на землѣ, уполномочилъ властію; при чемъ приводить Его подлинныя слова. Они повѣствуютъ, что Онъ былъ вмѣстѣ съ ними, позволилъ имъ осязать Свою плоть и кости, показалъ имъ Свои язвы въ боку, на рукахъ и ногахъ, приказавъ вложить туда персты, наконецъ, въ ихъ глазахъ, вознесся на небо. Возможно-ли принять за призракъ стеченіе такихъ многосложныхъ и продолжительныхъ обстоятельствъ? Можетъ же допустить здравый смыслъ, чтобъ столько людей, въ одно и тоже время, ошибалось одинаковымъ образомъ насчетъ такого множества дѣлъ, такъ близко касавшихся ихъ? что они всѣ до одного и такъ многократно мечтательно видѣли, слышали, осязали то, чего никогда не было въ дѣйствительности?

Эти неопровержимыя доказательства стараются объяснить тѣмъ, что апостолы, возмечтавши о будущемъ воскресеніи своего учителя, могли легко обмануться по своему невѣжеству.

Положимъ, что они были невѣжды; но были-ли они слѣпы и глухи? Въ дѣлѣ простомъ и осязательномъ, невѣжда на равнѣ съ философомъ можетъ служить надежнымъ свидѣтелемъ; иначе пришлось бы закрыть всѣ суды, гдѣ разбирается большая часть дѣлъ, основываясь преимущественно на показаніи людей грубыхъ и непросвѣщенныхъ.

Если, по мнѣнію невѣрующихъ, апостолы возмечтали, что учитель ихъ долженъ воскреснуть изъ мертвыхъ, то неужели при этомъ они были заражены идеей относительно всѣхъ обстоятельствъ, словъ, дѣйствій, о которыхъ свидѣлствуютъ; относительно явленій І. Христа этимъ въ одномъ мѣстѣ, а тѣмъ—въ другомъ; предметовъ Его рѣчей и образа выраженія ихъ? Это совершенно невозможно; вся дѣятельность учениковъ доказываетъ несправедливость подобного предположенія. Іосифъ съ Никодимомъ и святые мученики, помазавшія Его тѣло; Магдалина, не тотчасъ узнавшая Его; ученики, шедшіе въ Эмаусъ, которые ожидали увидѣть въ Немъ Избавителя Израиля; апостолы отказавшіеся вѣрить первымъ свидѣтелямъ воскресенія; св. Тома повѣрившій только тогда, когда осязалъ Его язвы. Медленность вѣры свидѣтелямъ этого чуда; осторожность изслѣдованія о немъ; испытанія, употребленныя апостолами, очевидно, доказываютъ, что они не только не ожидали воскресенія ихъ учителя; но даже не имѣли и мысли о немъ. Такъ-то,—возраженія которыми стараются доказать ошибку апостоловъ, все яснѣе и яснѣе раскрываютъ истину ихъ свидѣтельства!

И такъ, ученики І. Христа не могли быть обманутыми касательно Его воскресенія. Не имѣли-ли они намѣренія обмануть другихъ? Три предположенія разрѣшать этотъ второй вопросъ: *они не желали обмануть*, потому что они если бы и желали, *то не отважились бы на это*; если бы и отважились, *то не могли бы достигнуть цѣли*.

Во первыхъ, нравственный характеръ апостоловъ и способъ ихъ свидѣтельства разсѣваетъ всякую тѣнь подозрѣнія ихъ во лжѣ. Каковы должны быть люди, рѣшившіеся на ложь для того, чтобъ, истребивъ всѣ религіи, исповѣдываемая на землѣ, заставить поклоняться, какъ Богу, человекѣ, котораго они знали за обманщика; чтобъ во имя Божіе соединить коварство съ лицемеріемъ? Конечно, подобные люди должны быть въ глазахъ міра и ихъ собственной совѣсти отъявленными злодѣями. Но видимъ ли мы въ апостолахъ хотя одно качество, которое оправдывало бы это названіе? Напротивъ, усвоеніемъ себѣ всевозможныхъ добродѣтелей и преодоленіемъ всевозможныхъ страстей и пороковъ, они подають міру примѣръ самой чистой нравственности, до тѣхъ поръ ему невѣдомой; предписываютъ самыя высокія добродѣтели; внушаютъ самыя строгія правила, требуютъ самыхъ тяжкихъ жертвъ. Возможно-ли, при такой религіозной системѣ, предположить людей безсовѣстныхъ? Если бы они желали усвоить міру пріобрѣтенное ими ложное ученіе, тогда они предложили бы ему самое благопріятное для него! Самый тонъ ихъ писаній обнаруживаетъ ихъ добродѣтель; они повѣствуютъ о самыхъ поразительныхъ чудесахъ съ такою простотою, какою не найдешь ни у какого другаго автора; они не входятъ въ разсужденіе даже о такихъ предметахъ, которыми могли бы подтвердить истину дѣлъ, доказать всю ихъ важность, выдвинуть изъ нихъ особенно поразительное, обратить вниманіе на ихъ слѣдствія. Во всѣхъ пройденныхъ ими странахъ, встрѣчая хитрыхъ и свирѣпыхъ враговъ, непрестанно угнетавшихъ ихъ, они не позволяли себѣ ни одной жалобы, ни одного досаднаго слова и всегда дѣйствовали открыто и чистосердечно, даже въ ущербъ себѣ; такъ что ни одинъ изъ этихъ многочисленныхъ враговъ никогда не могъ сослаться на ихъ нравственную безчестность. Это-то всеобщее молчаніе столькихъ враговъ, искавшихъ на нихъ обвиненія, служатъ сильнѣйшимъ доказательствомъ безукоризненной правоты апостоловъ Христовыхъ. Съ безпримѣрною искренностію открываютъ они собственные недостатки и ошибки, свою грубость и неразумность, свое честолюбіе и раздоры, свою трусость во время страданій Христовыхъ, и даже отверженіе одного изъ нихъ. Ихъ доблестныя добро-

дѣтели, проявляемыя на каждомъ шагѣ, доказываютъ въ нихъ практическое усвоеніе высокихъ правилъ, проповѣданныхъ ими.

(Продолженіе будетъ).

Отличительный характеръ

Евангелія Іоанна.

(Продолженіе).

И точно, при всѣхъ нападеніяхъ отрицательной критики, евангелистъ Іоаннъ остается вполне свободною, величественною личностію, такъ что по выраженію Ланге, его возвышенный образъ, подобно таинственной тѣни, съ торжествомъ шагаетъ чрезъ всѣ тѣ преграды, какія строила и строить ему критика, запутанная между тѣмъ сама въ своихъ безконечныхъ и разнообразныхъ гипотезахъ³³⁾.

Послѣ этого, мы вправѣ сказать, что тѣ «острыя оружія критики», которыя по мнѣнію Штраусса, имѣли цѣлю въ лицѣ Баура порѣшить для четвертаго евангелія роковой вопросъ жизни или смерти, т. е. быть или не быть ему апостольскимъ произведеніемъ, скорѣе сами сокрушились въ его рукахъ и пали къ подножію этого величественнаго творенія евангельской письменности, нежели отняли у него его непоколебимый авторитетъ. Новая послѣ—Бауровскія нападенія, продолжающіяся до настоящаго времени,—фактическое тому доказательство. Они явились какъ бы на помощь Бауру и въ исторіи критики стоятъ какъ дальнѣйшіе проводники тенденціозныхъ изслѣдованій своего представителя. Мы можемъ указать на цѣлый рядъ этихъ продолжателей. Такъ Кестлинъ въ своемъ сочиненіи: «Ueber die pseudonyme Literatur der ältesten christlichen Kirche»³⁴⁾ утверждаетъ, что система четвертаго евангелія

33) Ibid s 90.

34) То есть: «о подложной литературѣ древнѣйшей христіанской церкви».

будто сама собою вполне объясняет источник своего происхождения. «Творение Иоанна, говорит онъ, есть не болѣе, какъ возрожденіе евангельской исторіи (Wiedergeburt der evangelischen Geschichte) и такъ какъ главнѣйшею цѣлью писателя было вывести въ свѣтъ первоначальное христіанство, то онъ, какъ воспитанный въ сферѣ александрійскихъ и гностическихъ идей, хорошо сумѣлъ воспользоваться всеѣмъ тѣмъ, что жило и носилось въ духѣ тогдашняго плодovitаго времени³⁵⁾. Онъ видѣлъ, говоритъ Кестлинъ, что во кругъ него идетъ борьба стараго съ новымъ, іудео-христіанства съ языко христіанствомъ, борьба духа и буквы, а потому рѣшился выступить въ защиту духа и въ пользу этого послѣдняго представить самое прошедшее лучшимъ для него свидѣтелемъ. Поэтому изъ пестраго и разнообразнаго содержанія прежнихъ евангелій, твердо поддерживавшихъ іудейство, онъ извлекъ все то, что ближайшимъ образомъ относилось къ предначертанной имъ цѣли и, сообразно ей, опустилъ все внѣшнее историческое и далъ мѣсто въ своемъ твореніи только одному внутреннему, мистическому. Идея Логоса, въ которой вполне завершается все высшее возрѣніе христіанства, есть, по его мнѣнію, самое конкретное осуществленіе идеальной цѣли писателя, такъ что его Иисусъ не только чуждъ всего іудейскаго, но и вообще всего человѣческаго, какъ низкаго и ограниченнаго. У него вездѣ представляется только одинъ безконечно божественный образъ Христа, даже въ самыхъ Его страданіяхъ³⁶⁾.

П Затѣмъ, кромѣ Кестлина, въ настоящее время противъ Иоаннова евангелія особенно горячо ратуетъ Гильгенфельдъ. Между тѣмъ какъ на взглядъ большинства критиковъ четвертое евангеліе стоитъ якобы на противоположности къ современнымъ ему движеніямъ различныхъ партій³⁷⁾, Гильгенфельдъ старается опредѣлить ха-

35) Bibelverk Bunsen's *ibid* s 68.

36) Schiekkop, *ibid* s 192.

37) Какъ это мы видѣли у Брюно Бауера, Христіана Баура и Кестлина. Въ новѣйшее же время такого взгляда держится и Виттихъ. Онъ признаетъ, что евангеліе Иоанна есть дидактически тенденціозное твореніе въ противоположность къ ессеискomu свонизму и преимущественно его хронологіи. См. журналъ, издаваемый Гильгенфельдомъ «Zeitschrift für wissenschaftliche

рактерь Іоаннова евангелія отношеніемъ его къ виѣ-церковному гносису, въ связи съ которымъ онъ разсматриваетъ теологію апостола Іоанна, утверждая что теологія четвертаго евангелія есть какъ бы послѣдній отростокъ гностицизма и именно Валентиніанскаго. Поэтому на взглядъ Гигенфельда евангеліе Іоанна есть классическое выраженіе католическаго гностицизма, образовавшееся якобы въ 130 году хр. эры, пройдя чрезъ языко-христіанскія руки отъ валентиніанскаго къ маркіонитскому гносису.³⁸⁾ Такого же мнѣнія относительно характера и происхожденія Іоаннова евангелія держится и Фолькмаръ, одинъ изъ числа самостоятельныхъ учениковъ Баура. Подобно Гильгенфельду, онъ признаетъ что евангеліе Іоанна образовалось во время гностическихъ волненій, когда іудео христіанство возвысилось въ своемъ значеніи какъ монтеизмъ и какъ епископское пониманіе, почему, говоритъ онъ, лучшимъ зеркаломъ служить само евангеліе, какъ отразившее въ себѣ ту христіанскую духовность и глубину, какихъ не могъ снести ни какой іудейскій взглядъ³⁹⁾. По его мнѣнію, оно написано около 160 года хр. эры и ближайшимъ побужденіемъ къ тому былъ якобы споръ о пасхѣ.

Что касается другихъ представителей отрицательнаго направленія нѣмецкой критики евангельской исторіи, то они болѣе или менѣе сходны между собою, по крайней мѣрѣ въ общихъ своихъ выводахъ относительно происхожденія нашего евангелія. Къ числу такихъ, составляющихъ лѣвую сторону означенной критики, безсомнѣнія принадлежатъ: Рихардъ, Альенъ и особенно Ноакъ. По ихъ мнѣнію, евангеліе должно было образоваться въ малой Азіи въ срединѣ 2-го вѣка, такъ какъ въ немъ преобладаетъ введеніе греческихъ словъ и особенно о Логосѣ, которое прямо говоритъ будто бы за позднѣйшее, а не апостольское время его происхожденія, имѣвшее свою цѣлю якобы «полемизировать противъ сунитиковъ».⁴⁰⁾

Teologie» 1869 г. Zweites Heft. Статяю: «Riggenbach und das Johannes - Evangelium».

38) Bibelwerk *ibid.*

39) *Ibid.*

40) *Ibid.*

Такой же взгляд на евангеліе Іоанна высказывает и новѣйшая французская критика. Между представителями ея въ настоящее время обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующіе: Эйхгаль и Ренапъ. Первый, придерживаясь взглядовъ, высказанныхъ нѣмецкими учеными — Гингельфельдомъ, Фолькиаромъ и др., полагаетъ что евангеліе Іоанна есть результатъ гностическихъ движеній, къ каковому выводу Эйхгаль приходитъ въ силу тѣхъ данныхъ, будто въ Іоанновомъ евангеліи находятся ясныя слѣды огностицизованныхъ идей, которыя, по его мнѣнію, проникли въ это твореніе апостола путемъ гностическихъ движеній. ⁴¹⁾— Совсѣмъ иначе смотритъ на евангеліе Іоанна второй — Ренапъ. Раздѣляя мнѣнія Штраусса, Шенкеля и Вейссе, Ренапъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Жизнь Іисуса» ⁴²⁾, принимаетъ противоположную сторону — именно: между тѣмъ какъ Шенкель и Вейссе въ евангеліи Іоанна признавали за апостольскій трудъ только однѣ рѣчи Іисуса ⁴³⁾, а всю историческую часть отвергли, какъ позднѣйшую прибавку, — Ренапъ на оборотъ, признаетъ за подлинную часть евангеліа послѣднюю, тогда какъ рѣчи Іисуса отвергаетъ, называя ихъ «отвлеченными, метафизическими разглагольствованіями». Для него эти рѣчи Господа представляются до крайности невѣроятными и совершенно провиворѣчащими тѣмъ, какія находятся въ повѣствованіяхъ остальныхъ евангелистовъ, а потому, отрицая ихъ, онъ не задумывается сомнѣваться въ подлинности и всего евангеліа ⁴⁴⁾.

41) Ibid.

42) *Vie Iésus par Ernest Renan Paris 1863 г.*

43) По Шенкелю подлинныя рѣчи только слѣдующія 111, 11—21, 27. 31—26 и два отдѣла 1-й съ 1. в г. до 12 ст.; 2-й съ 13 г. до 17 ст.; все же прочее онъ относитъ къ позднѣйшей редакціи. См. *Bibelwerk Bunsen's Ibid. 72 с.*

44) Jean, говоритъ Ренапъ въ своей «*Vie de Iésus*», met dans la bouche de Iésus des discours dont le ton, le style les allures, les doctrines n'ont rien de commun avec les Logia rapportés par les synoptiques. Si Iésus parlait comme le veut Matthieu, il n'a pu parler comme le veut Jean. A mille lieues du ton simple, désintéressé, impersonnel des synoptiques, l'évangile de Jean montre sans cesse les preoccupations de l'apôtre, les arrière-pensées, du sectaire

Таковы, по крайней мѣрѣ, общія и болѣе или менѣе важныя данныя, на основаніи которыхъ отрицательная критика протестантскихъ богослововъ строить свои положенія, оспаривающія подлинность апостольскаго происхожденія Іоаннова евангелія, поставляя его съ одной стороны въ рядъ обыкновенныхъ человѣческихъ произведеній, съ другой—отнимая у него это высокое достоинство, объясняютъ образованіе его лишь силою всеобщаго міроваго закона развитія и прогресса, какъ явленіе, якобы необходимо выродившееся изъ склада чистого древнихъ обстоятельствъ—духа времени и извѣстныхъ партій.

Мы не станемъ пока касаться того, на сколько эти положенія критики основательны и дѣйствительно ли они такъ естественно вытекаютъ изъ сущности самаго евангелія, какъ это кажется на ея взглядъ,—показать это мы будемъ имѣть случай далѣе, при изложеніи самаго характера евангелія и разборѣ тѣхъ болѣе важныхъ возраженій, какими критика думаетъ аргументироваться, высказывая на это евангеліе свои отрицательныя воззрѣнія. А теперь перейдемъ къ раскрытію главнѣйшей нашей задачи,—къ изложенію особенностей или самой характеристики евангелія. Итакъ—чѣмъ же обусловливается особенность Іоаннова евангелія въ ряду остальныхъ трехъ и въ чемъ состоитъ отличительный его характеръ?

Особенность склада евангелія Іоанна, характеризующая отличное его положеніе въ ряду остальныхъ, такъ называемыхъ «свнноптическихъ евангелій» безсомнѣнія обрисовывается тѣми обстоятельствами и побужденіями, какія сильны были вызвать Іоанна къ написанію этого возвышеннаго образца евангельской письменности. Эти обстоятельства и побужденія съ одной стороны вытекали изъ духа и потребностей современнаго автору общества и церкви, а съ другой—лежали во внутреннѣйшемъ существѣ самаго писателя;—въ глубокихъ и возвышенныхъ стремленіяхъ его боговдохновеннаго гения. Ибо, говоритъ Лютардтъ, что Іоаннъ написалъ, то есть «плоды его долгой жизни, твореніе автора, духъ котораго всецѣ-

intention de prouver une thèse et de convaincre des adversaires.

См. Introduction p. XXIX и XXX.

«ло жилъ въ этихъ повѣствованіяхъ, мысляхъ и рѣчахъ... И что онъ написалъ въ то время, того ни въ какое время не написалъ бы другой» (45).

И дѣйствительно, то было время, когда глубоко надломленная жизнь древняго міра, послѣ вѣковыхъ попытокъ перевоспитать, переиначить свой видимо разлагавшійся строй, уже достигла своихъ конечныхъ результатовъ. Нравственное безсиліе, порча и разложеніе смѣло клали свою неизгладимую печать на всю его жизнь, какъ религіозную такъ и умственную. Не говоря уже о томъ, что язычники какъ слѣпцы блуждали по избитымъ, извилистымъ путямъ своихъ частныхъ, мелочныхъ интересовъ и самыя школы ихъ мудрости, многочисленностію и противоположностію своихъ ученій окончательно противорѣчили одиѣ другимъ, — самый народъ іудейскій, тщетно ожидавшій пышнаго царства Мессіи, а съ нимъ и всемірнаго своего господства, представлялъ теперь грубыя ошибки въ ученіи и ужасающую порчу нравовъ, ясно обнаруживающую только глубоко разочаровавшую пустоту, бѣдность и крайнюю несостоятельность своихъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній. Его положеніе, какъ и положеніе язычниковъ, было теперь самое безвыходное: священный городъ его былъ разоренъ, храмъ сожженъ и обращенъ въ груды развалинъ; а потерявъ свой родной городъ, похоронивъ въ дымившихся его развалинахъ всѣ свои заветныя думы, дорогія стремленія и надежды, онъ долженъ былъ сойти теперь съ міровой сцены своего господства и уступить путь всеозарявшему свѣту, едва занявшейся зари христіанства. И вотъ, оторванный такимъ образомъ отъ своей религіозной, почвы онъ пристаётъ теперь къ языческой философіи, думая въ ней найти подкрѣпленіе своимъ отжившимъ силамъ, дабы, съ помощію этой послѣдней, противустать возникающему христіанству, напрягая всѣ слабыя силы своей предсмертной агоніи. Вслѣдствіе этого между іудейскими учеными явилась особенная ревность къ изученію восточной философіи. Въ тогдашнее время эта философія распалась на двѣ фракціи: персидскую (вавилонно-халдейскую) и александрійскую. Представители первой, ко-

45) См. De compositione Evangelii Iohannei Luthardtli. Norimbergae 1852 an. in «Prolegomena» p. IV.

торые назывались магами, были поборниками дуализма, а представители второй—эманатизма. Правда успѣхъ этихъ философскихъ системъ еще во времена Августа и Тиверія господствовалъ въ малой Азіи, откуда онъ перешелъ потомъ даже въ Италію, такъ что Неронъ, какъ извѣстно, нарочито вызвалъ малоазіатскихъ маговъ⁴⁶⁾, но теперь этотъ успѣхъ былъ гораздо значительнѣе, когда главнымъ средоточнымъ пунктомъ, фокусомъ, въ которомъ концентрировались между собою понятія востока и запада, сдѣлался Ефесъ, — столица малой Азіи и мѣстопробываніе апостола Іоанна⁴⁷⁾. По своей блестящей образованности и природной склонности къ внутреннему созерцанію, этотъ городъ представлялъ тогда самую удобную почву и самый богатый разсадникъ для идей востока и языческо-іудейскихъ мудрствованій. Изъ книги Дѣяній апостольскихъ мы можемъ видѣть, какъ глубоко вкоренялись и быстро развивались здѣсь эти идеи, такъ долго и упорно волновавшія спокойствіе юной христіанской церкви. ⁴⁸⁾ Имена «*εφέσια γραμματά, εφέσια αἰετιφάρμακα*» ясно показываютъ, что онѣ находили здѣсь полную себѣ симпатію и пользовались даже правомъ гражданства⁴⁹⁾. Главною цѣлью, какою руководилось іудейство при изученіи этой философіи—было желаніе согласить нравственныя ея тенденціи съ ученіемъ своихъ священныя книгъ. Поэтому, выходя изъ принципа дуалистической точки зрѣнія, нѣкоторые изъ іудеевъ стали учить, что для Бога, какъ существа высочайшаго и совершеннѣйшаго, не можетъ быть никакого сношенія съ міромъ матеріальнымъ, который, по понятіямъ дуализма, есть зло; что міръ сотворенъ не Бо-

46) Буда, въ числѣ прибывшихъ, явился и тотъ Сумецъ волхвъ, о которомъ упоминается въ книгѣ дѣяній апостольскихъ и котораго апостолъ Павелъ нашелъ потомъ на островѣ Кипрѣ. Дѣян. 8 гл. 9 ст.; 13 гл. 8 ст. См. *Introductio in sacros novi Testamenti libros Nuntner a 1863 an p. 215.*

47) Фактъ мѣстопробыванія апостола Іоанна въ этомъ знаменитомъ городѣ древняго міра вполне доказателенъ исторически. У св. Иринея, а также у Поликарпа, непосредственнаго ученика Іоанна Богослова, находятся объ этомъ весьма ясныя свидѣтельства, также извѣщаютъ объ этомъ Елиментъ Александрійскій, Евсевій, Иеронимъ друг. См. у *Olshausen'a Commentar uber das Evang. n. Iohannes S. 8.*

48) Дѣян. 19 ч. 19 ст.

49) *Hüntner Introduct in s. n. t. libr. ibid.*

гомъ, какъ повѣствуетъ объ этомъ быгонианіе, но другими же-
нѣ высшими существами или силами, (эонами) которыя якобы въ
свою очередь получаютъ свое бытіе уже у Бога, чрезъ истечение
изъ Его существа. ⁵⁰⁾

Примирия такимъ образомъ теоретическія представленія вос-
точной философіи о нравственномъ порядкѣ міра съ ученіемъ от-
кровеннымъ, гностицизмъ принялъ характеръ дуалистической и ос-
новывался на антиноміи духа и матеріи, чрезъ что греческая фи-
лософія снова выступила изъ восточной религіи. Его представите-
ли іудеи приписывали себѣ высшее знаніе (γνώσις), изъ котораго
они породили столько грубыхъ, несостоятельныхъ нравственно-ре-
лигіозныхъ воззрѣній, что въ послѣдствіи изъ основныхъ началъ
ихъ ученія образовались цѣлыя системы различныхъ гностическихъ
сектъ. Отсюда борьба христіанства изъ-за религіозныхъ убѣжденій
была неизбежна. Освобождаясь болѣе и болѣе отъ узкаго взгляда іу-
действа, церковь Христова ясно сознавала, что ей предстоитъ те-
перь мно о кровавыхъ трудовъ и тяжелыхъ подвиговъ, тѣмъ болѣе,
что ея центромъ былъ уже не Іерусалимъ, но тотъ же Ефесъ, при-
родная страна ереси и ложнаго гноисиса. И дѣйствительно, если
еще раньше ап. Павелъ нашелъ разнаго рода заблужденія въ Ефе-
сѣ ⁵¹⁾ и жаловался на тѣхъ, которые занимались баснями и без-
численными родословіями, которые болѣе производили вредныхъ
споровъ, нежели божественнаго назиданія въ вѣрѣ, которые жела-
ли быть законоучителями, но сами не понимали ни того, что го-
ворили, ни того, что доказывали, то во времена апостола Павла,
говорить Пресаисе, ереси заключались только въ преувеличенномъ
аскетизмѣ, который основывался на фальшивомъ спиритуализмѣ,
тогда какъ теперь,—во время апостола Іоанна, гностицизмъ по-
шелъ далѣе. Онъ склонялся болѣе и болѣе къ докетическому на-
правленію, натуральнымъ слѣдствіемъ котораго было отрицаніе въ
Иисусѣ Христѣ Его человѣческой природы—тѣла, которое на взглядъ
этихъ еретиковъ было «кажущимся», имѣло только тѣнь тѣлесной

50) Представителемъ этого эманатическаго воззрѣнія былъ какъ мы
увидимъ далѣе, Филонъ, александрійскій ученый, современникъ Иисуса Хри-
ста, по мнѣнію котораго высшій изъ Іоновъ былъ Логовъ.

51) Дѣян. 19,—1—8. 13. 9.

жизни. 52). Не даромъ верховный апостолъ языковъ, прощаясь въ Миледѣ съ ефесскими пресвитерами, 53) опасался за спокойствіе ихъ юной церкви. Въ своей возвышенной, полной святой задушевности прощальной рѣчи къ нимъ, онъ ясно предсказалъ тѣ бѣдствія, какія угрожали въ будущемъ, насажденной имъ ефесской церкви, со стороны ложныхъ ученій и опасенія, наученнаго жизненнымъ опытомъ апостола Павла, сбылись во всей своей силѣ. Борьба христіанства съ фарисейско-іудейскимъ направлениемъ, которое спасеніе, принесенное Иисусомъ Христомъ, оспаривало у христіанства, какъ монополію, чрезъ исполненіе закона Моусеева и обрядовъ обрѣзанія, эта борьба начавшаяся еще при апостолѣ Павлѣ, господствовала въ полной своей силѣ. Къ тому же ученіе ложнаго гностика, который подъ христіанскими чертами преповѣдывалъ древній восточный дуализмъ и свой необузданный идеализмъ, становилось теперь тѣмъ опаснѣе, чѣмъ уснѣхъ его болѣе и болѣе обнаруживался не только въ ученіи, но и въ самой жизни 54), а главное то, что, отвергая божество Иисуса Христа, ученіе гностиковъ чрезъ это въ самой основѣ подрывало собою Его служеніе роду человѣческому, равно какъ и дѣйствительность содѣланнаго Имъ примиренія, а отсюда само собою подрывался и весь объективный характеръ христіанской религіи. Такое положеніе нравственно-религіознаго уровня современнаго Іоанну общества и науки въ сферѣ которыхъ—эготъ маститый изъ апостоловъ доживалъ свои послѣдніе годы, а съ другой стороны нужды церкви и глубокое сознаніе ихъ самимъ апостоломъ, наконецъ просьбы друзей Іоанна—пресвитеровъ малоазійскихъ 55)—все это служило достаточнымъ по-

52) См. Geschichte der drei ersten Jahrhunderte der schriftlichen Kirche. Pressanse leipzig 1863. S. 232.

53) Дѣян. 20, 28—31.

54) Такъ во время пребыванія ап. Іоанна въ Ефесѣ появились ереси: Борнифа, Николитовъ, Евѣонитовъ и Іоаннитовъ, которыя постоянно волновали Церковь Христову своими ложными ученіями.

55) По свидѣтельству Отцовъ и Учителей Церкви, Іоаннъ написалъ свое евангеліе по просьбѣ малоазійскихъ пресвитеровъ, которые опасаясь быстро умножавшихся ересей, просили апостола написать имъ въ руководство для вѣры противъ неправовѣровъ новое евангеліе. О чемъ мы находимъ свидѣтельства у Иринея Advets 111. 1, 2. Климента Александр.—у Евсевія Hist. Eccl VI, 14 и у другихъ.

бужденіемъ къ тому, чтобы представить особенное евангеліе, — евангеліе въ его идеѣ, которое, такъ сказать, прозрѣвало бы въ самыя умозрѣнія своего вѣка, какъ необходимое условіе для удовлетворенія пуждамъ и потребностямъ времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для умиротворенія и укрѣпленія церкви.

И глубокой возвышенный умъ Іоанна, вдохновленный живымъ чувствомъ, пламеннымъ—юношескимъ воображеніемъ, иѣжнымъ дѣвственнымъ, любвеобильнымъ сердцемъ, былъ вполне способенъ отвѣчать на эти запросы современной ему жизни и представить такое евангеліе, какого не могъ, какъ замѣчаетъ Евальдъ, ни одинъ изъ апостоловъ⁵⁶⁾. Ибо, говоритъ блаж. Августинъ, что вытекло изъ устъ Іоанна, тѣмъ онъ былъ упоенъ; ибо не даромъ этотъ ученикъ любви возлежалъ на груди Господа во время тайной вечери: изъ этой груди, продолжаетъ учитель церкви, онъ какъ бы тайно упивался, а чѣмъ онъ упивался въ тайнѣ, то изложилъ въ явѣ⁵⁷⁾.

Такимъ образомъ особенность Іоаннова евангелія вполне оправдывается сколько внѣшними обстоятельствами,—потребностями общества и церкви, столько же и чисто внутреннимъ субъективнымъ настроеніемъ,—талантомъ самаго писателя. Отсюда главная идея, какая проникаетъ собою все содержаніе, разсматриваемаго нами евангелія, есть идея Логоса, какъ внутреннѣйшее выраженіе основнаго мотива той глубочайшей истины, которую Іоаннъ воспринялъ въ свой духъ, въ духъ которой онъ постоянно вращался и изъ духа которой выступилъ теперь къ послѣдней, конечной цѣли своего апостольскаго призванія. Эта цѣль, какую Іоаннъ имѣлъ въ виду при изложеніи своего евангелія и которая естественно вытекала изъ основной его идеи, была та, чтобы представить предъ читателями въ полномъ свѣтѣ ту глубочайшую изъ сторонъ жизни Иисуса Христа, которая по преимуществу касалась Его небесной природы и божественнаго достоинства; изложить предъ ними ту высочайшую истину, отъ которой самъ онъ получилъ свою жизнь, дабы, чрезъ созерцаніе воплощеннаго Слова, вдохнуть и въ ихъ ду-

56) Die Iohanneischen Schriften übersetzt und erklärt Ewald's 1863. s. 2.

57) См. у Klee Comentar. ub. das Evang. n. Iohan. s. 30.

ши лучезарный свѣтъ этой вѣчной истины; впустить и имъ ту вѣру въ Него, какую самъ онъ носилъ въ сердцѣ своемъ и такимъ образомъ привести ихъ къ тому, *да вѣрующе, яко Исусъ есть Христосъ—Сынъ Божій, животъ имѣли во имя его.* (Юанъ, XX, 31).

Но, съ другой стороны, такъ какъ истина воплощеннаго Слова, по своей таинственности, послужила для лжеименнаго разума предметомъ соблазна, породившаго опаснаго для истинной вѣры заблужденія, то естественно что евангеліе Юанна не могло служить только одной своей цѣли. Апостоль зналъ, замѣчаетъ Ольсгаузенъ, къ какому заблужденію пришла гностическая мистика относительно высочайшей тайны воплощенія Бога—Слова, а потому, стремясь противопоставить этому заблужденію глубокую, чистѣйшую истину, Юаннъ долженъ былъ такъ поставить свое евангеліе, чтобы въ немъ, вмѣстѣ съ ученіемъ догматическимъ, проглядывалъ и полемическій элементъ.⁵⁸⁾ И хотя много было бы несообразнаго, говорить Эбрардъ, соединять въ одну цѣль то—Юаннъ своимъ евангеліемъ имѣлъ выступить, какъ противъ еиѳонитской, такъ вообще и гностической идеи и въ тоже время пополнить «супонтиковъ», тѣмъ не менѣе это было особеннымъ мотивомъ, которымъ Юаннъ руководствовался при написаніи своего творенія. Убѣжденный, что онъ носить въ себѣ все то, что только необходимо было для уничтоженія основнаго корня этой возвышенной ереси, Юаннъ съ тѣмъ и выступилъ, что и было вѣрнѣйшимъ и самымъ радикальнѣйшимъ средствомъ, которымъ апостоль могъ исполнѣ удовлетворить всеѣмъ нуждамъ, выступившимъ въ средѣ современнаго ему общества и церкви⁵⁹⁾. А такимъ образомъ, соответственно главной идеи и внутренней связи тѣхъ цѣлей, какія необходимо изъ нея вытекали, естественно, что и самый строй евангелія Юанна долженъ быть особеннаго свойства. И действительно, въ отношеніи своего строя, евангеліе Юанна является совершенно отличнымъ произведеніемъ въ области евангельской письменности и характерная его особенность

58) *Bibl. Comment. üb. d. Evang. Iohan. s. 17.*

59) См. *Real. encyklopädie für protestant. Theolog u. Kirche von Herrog* Sechster Band подѣ словомъ *Iohannes der Apostel s. 731.*

состоить главнымъ образомъ въ трехъ существенныхъ сторонахъ его: I е, исторической, II е, историческо-догматической и наконецъ III-е, полемической.

Въ дѣлѣ исторической постановки матеріала, евангеліе Іоанна представляетъ собою рѣзкую особенность предъ тремя остальными и является въ этомъ отношеніи вполне оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Прежніе евангелисты, имѣя въ виду представить своимъ читателямъ только непосредственный образъ Іисуса Христа, изображали Его въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ жилъ и дѣйствовалъ въ средѣ своихъ современниковъ. Поэтому, въ своихъ повѣствованіяхъ, они не выходили изъ границъ простаго объективнаго разсказа, и, повѣствуя фактъ за фактомъ, слово за словомъ, не указывали ихъ особенныхъ, внутреннѣйшихъ мотивовъ, но ставили дѣло такъ, какъ оно представлялось ихъ живому, непосредственному впечатлѣнію, стараясь при этомъ, по возможности полно, передать только то, что казалось имъ важнымъ лишь въ чисто внѣшней, объективной сторонѣ событій, именно тѣ чудесныя дѣла и слова, которыми такъ полна была земная жизнь Богочеловѣка и которая такъ краснорѣчиво говорили за божественную сторону Его исторіи. Отсюда довольствуясь по преимуществу только одною стороною историческаго явленія Іисуса Христа, — тѣми необходимыми свѣдѣніями о существенныхъ событіяхъ Его жизни, какія только входили въ рамку чисто исторической цѣли, прежніе евангелисты, натурально, не давали своимъ читателямъ болѣе глубокаго, всесторонняго взгляда на общественную дѣятельность Іисуса Христа и если евангелистъ Матѳей, говоритъ Бунзенъ, въ изображеніи Спасителя желалъ показать ветхозавѣтнаго Мессію, а Лука — изложить свою евангельскую исторію, съ точки зрѣнія апостола Павла, то такой догматическій интересъ, такую идеальную цѣль ихъ можно было вывести только изъ внимательнаго чтенія, изъ обстоятельнаго разсмотрѣнія и анализа цѣлой матеріи ⁶⁰); на самомъ же дѣлѣ ближайшій ихъ интересъ — это живой разсказъ со-

бытій, характеризующій собою обычную форму современной исторіи безъ всякой внутренней связи фактовъ и прагматическаго элемента.

Такая односторонность «сноптическихъ» повѣствованій и однородность ихъ ближайшей цѣли не могла конечно казаться Иоанну, вполне удовлетворительнымъ памятникомъ высокой жизни его незабвеннаго учителя и Господа, особенно при современномъ ему положеніи церкви, волнуемой еретическимъ направленіемъ ложно-спекулятивнаго гностицизма. А потому, какъ любимый и ревностный ученикъ Небеснаго Учителя, какъ ближайшій, непосредственный очевидецъ всѣхъ божественныхъ Его дѣяній, Иоаннъ не могъ не замѣтить, что повѣствованія прежнихъ евангелистовъ не представляютъ собою полныя, всесторонне законченной картины жизни Богочеловѣка, а главное не исчерпываютъ собою той существенной стороны ея, въ которой онъ явился міру, какъ воплощенное Слово, самооткрывающее свѣтъ, истину и жизнь, тогда какъ, на взглядъ Иоанна, въ ней-то и лежалъ тотъ основной, внутреннѣйшій мотивъ этой божественной исторіи, отъ котораго зависѣло и которымъ обуславливалось какъ начало, ходъ, такъ и все дальнѣйшее развитие этой послѣдней.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, Иоаннъ стремится теперь поставить свое евангеліе не такъ, чтобы оно излагало исторію Иисуса Христа въ формѣ объективнаго разсказа фактовъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ трехъ первыхъ евангеліяхъ, — нѣтъ, возвышенный духъ апостола, способный проникать въ самыя глубины сердца Сердцевѣдца, имѣлъ отмѣтить въ изображеніи жизни Иисуса Христа по преимуществу внутреннее Его существо, обнаружить спекулятивно-мистическую сторону Его бытія и жизнедѣятельности, познаніе которой такъ долго носилось и ревностно хранилось въ его восприимчивомъ, всеобъемлющемъ сердцѣ, какъ драгоценное сокровище, нажитое имъ чрезъ живое ближайшее сношеніе съ самаю воплощенною, вѣчною Мудростію.

А такимъ образомъ, выходя изъ этой ближайшей своей цѣли евангелистъ Иоаннъ изображаетъ лице Иисуса Христа не просто, какъ тѣ евангелія, величайшимъ пророкомъ, или Сыномъ Божіимъ въ смыслѣ іудейскаго представленія о Мессіи, но, въ смыслѣ ме-

тафизическомъ, посредникомъ между Богомъ и людьми. Поэтому онъ выводитъ своихъ читателей на совершенно новую дорогу жизни Богочеловѣка, на которой долженъ былъ повстрѣчать ихъ иной существенный образъ Его, полный того чуднаго величія, въ которомъ Иисусъ Христосъ, какъ воплощенное Слово, долженствовалъ явиться имъ, какъ всеосвящающій и животворящій свѣтъ, исполненный благодати и истины. И точно, ведя такимъ путемъ своихъ читателей къ познанію этой высочайшей истины, евангелистъ Іоаннъ чисто божественное явленіе Христа какъ бы вылетаетъ въ Его земную исторію и, отрѣшая идею отъ факта, проводитъ ея содержаніе въ исторической, реально-явившейся вѣчной славѣ Иисуса въ противоположность той внутренней идеѣ гностицизма объ отношеніи вѣчной славы къ временному явленію Богочеловѣка, которая во времена Іоанна была господствующею и силилась подорвать самыя глубочайшія основы божественнаго домостроительства христіанскаго спасенія. Вслѣдствіе этого планъ евангелія Іоанна является совсѣмъ иной, чѣмъ у остальныхъ евангелистовъ. Въ своемъ твореніи Іоаннъ имѣлъ въ виду не то, какъ мы сказали, чтобы представить вполнѣ исчерпанную исторію жизни Иисуса Христа, но изложить такой сжатый и вмѣстѣ обстоятельный очеркъ, этой послѣдней, который обнималъ бы собою всѣ стороны историческаго явленія Христа и при томъ такъ, чтобы въ этомъ единомъ, чудномъ, гармоническомъ цѣломъ, земное явленіе Иисуса было вполнѣ сообразно съ Его божественнымъ достоинствомъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЕ.

ЦЮРИХСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Въ «Правит. Вѣстн.» напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ цюрихскомъ университетѣ. Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возра-

стать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ отѣнковъ. Славянское социальное демократическое общество, центральный революціонный славянской комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ не мало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую и нѣкоторые наши издатели доставляютъ бесплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года» — вотъ обычная темы лекторовъ. Посѣщеніе сходокъ рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодые неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику дѣвушки подгадаютъ подъ вліяніе вожаконъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фактивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведение русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторые изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что специально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей. Такое нравственное паденіе не можетъ не обратитъ на себя серьезнаго вниманія правительства. Нельзя забывать, что эти женщины возвратятся когда нибудь въ Россію и будутъ женами, матерями и воспитательницами. Нельзя не остановиться на страшномъ вопросѣ: какое поколѣніе могутъ возрастить такія женщины?... Правительство не можетъ и не должно оставаться зря-

телемъ нравственнаго растлѣнія, поощаивающаго часть—хотя и незначительную—русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось употребить всѣ зависящія отъ него мѣры, и, впрочемъ, преимущественно предупредительныя.

Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При всѣхъ болѣе учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV отдѣленію собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особыя педагогическія курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того, министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особыя курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при Императорской медико-хирургической академіи учреждены, въ видѣ опыта, на 4 года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушеровъ, а въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ того, въ настоящее время высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ. Такимъ образомъ, создавая и поддерживая учрежденія, удовлетворяющія существующей среди женщинъ потребности въ высшемъ образованіи, правительство даетъ желающимъ полную возможность пріобрѣсти научныя знанія въ предѣлахъ отечества. Но нѣтъ сомнѣнія, что не одна жажда знанія привлекаетъ русскихъ женщинъ въ Цюрихъ. Если западно-европейскія государства, значительно опередившія насъ въ образованіи, между тѣмъ точно также не допускающія женщинъ въ высшія учебныя заведенія, доставляютъ цюрихскому университету самый ничтожный контингентъ слушательницъ, составляющій въ совокупности менѣе 20 процентовъ числа однихъ русскихъ студентокъ, то трудно не придти къ заключенію, что большинство нашихъ юныхъ соотечественницъ поступаетъ въ цюрихскій университетъ подъ вліяніями, не имѣющими ничего общаго съ стремленіемъ къ образованію. Легкомысленная пропаганда нѣкоторой части нашей журналистики, ложное пониманіе назначенія женщины въ семьѣ и обществѣ, увлеченіе модными идеями—всѣ эти причины болѣе или менѣе вліяютъ на громаднѣйшій сравнительно наплывъ рус-

скихъ женщинъ въ Цюрихъ *). Коноводы нашей эмиграціи ловко пользуются всеми этими обстоятельствами и, увлекая молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ въ вихрь политической агитаціи, губятъ ихъ безвозвратно. Правительство не можетъ допустить мысли, чтобы два три докторскія диплома могли искупить зло, происходящее отъ нравственнаго растлѣнія молодого поколѣнія, и потому признаетъ необходимымъ положить конецъ этому ненормальному движенію.

Вслѣдствіе того правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскіе университеты и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1-го января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ, или въ какое либо русское учебное заведеніе.

Правительство надѣется, что такое заблаговременное заявленіе избавитъ его отъ печальной необходимости подвергать кого либо означеннымъ ограниченіямъ.

*) Число студентовъ изъ Россіи доходить до 108, изъ прочихъ-же государствъ Европы не составляетъ и 20.

Редакторы: { Прот. **В. Никоновъ.**
Свящ. **І. Адамовъ.**

Печатать дозволяется. Цензоры: Прот. **Н. Волковъ**, и свящ. **П. Палицынъ.**
Юля 15-го дня 1873 года.